

© 2018 г.

Л. ЙАНЛИК

## ЛЕВЫЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ ТУРЦИИ 1960—1970-х годов И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ВООРУЖЕННЫМ ФОРМАМ БОРЬБЫ

*Йанлик Левент — аспирант Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).*

DOI: 10.31857/S013038640002041-3

### ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории левых движений Турции представляет особый интерес для политических экспертов, для тех кто следит за процессами в современном турецком обществе. Во-первых, левые сохраняют определенное влияние в среде оппозиции, хотя в организационном отношении их возможности ограничены. Во-вторых, истоки политических и идеологических дискуссии современной Турции — в 60-х годах, когда формировалось современное левое движение в стране. В-третьих, давление правительственных структур на общество актуализирует формы нелегальной деятельности, опыт которой накопился у турецких левых.

Работы на русском языке, в которых так или иначе затрагивается левое движение Турции, испытывают на себе влияние официальной позиции турецкого государства, их авторы склонны к обобщенному восприятию таких организаций как радикальных и «террористических». Обращает на себя внимание работа М. Лебского. Хотя в ней и исследуется курдское национальное движение, не обходится стороной и левое движение в целом<sup>1</sup>. Англоязычная литература по данной тематике куда более многочисленна. Ё. М. Улус выполнила одну из основных работ о «Yön» и левокемалистском движении<sup>2</sup>. В обобщающей работе Дж. М. Ландау определенное внимание уделено место и турецким левым<sup>3</sup>. Официальный взгляд турецкого государства, рассматривающего эту тему через призму модной терминологии «терроризма», занимает большое место в труде И. Бала и С. Лачинера<sup>4</sup>. Подтверждением того, что изучение истории турецких левых выходит далеко за рамки академического интереса, является судьба ряда авторов упоминаемых работ. Так, И. Бал и С. Лачинер после попытки военного переворота 15 июля 2015 г. были арестованы по обвинению в «членстве в террористической организации» (т.е. Ф. Гюлена), и это несмотря на то, что они стояли на официальной государственной позиции по поводу «терроризма» и «террористических организаций», сами оказались «террористами». Лачинер сейчас находится в тюрьме, а Бала условно освободили на поруки. Среди туркоязычных публикаций наибольшего внимания заслуживают две работы: восьмой том «Энциклопедии социализма

<sup>1</sup> *Лебский М.* Курды, потерянные на Ближнем Востоке. М., 2017.

<sup>2</sup> *Ulus Ö. M.* The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism. New York, 2011.

<sup>3</sup> *Landau J. M.* Radical Politics in Modern Turkey. Leiden, 1974 (2<sup>nd</sup> ed. — 2016).

<sup>4</sup> *Bal İ., Laçiner S.* The Challenge of Revolutionary Terrorism to Turkish Democracy 1960—80. — Terrorism and Political Violence, 2010, v. 13, № 4, p. 90—115.

и общественной борьбы»<sup>5</sup> и «Левые Турции в 1970-е годы»<sup>6</sup>. Редактором первой из них является Э. Кюркчю, последний председатель Dev-Genç, и член Общего комитета Народно-освободительной партии-фронта Турции (ТНКР-С). В 2012 г. эта книга попала под запрет и была изъята из библиотек. Автор второй работы, Вехби Эрсан, после военного переворота 12 сентября 1980 г. восемь лет находился в тюрьме за принадлежность к организации «Революционные левые» (Devrimci Sol), переименованной позднее в Революционную народно-освободительную партию-фронт (ДНКР-С). Свою миссию она видела в сохранении идеологии и тактики революционного радикализма М. Чаяна.

Историки датируют начало левого движения Турции 1920-ми годами, т.е. временем основания Компартии. Ее судьба зависела от двух факторов — отношения правящего режима Турции к оппозиции и общей линии мирового коммунистического движения. При этом речь идет не о прямом руководстве со стороны Коминтерна, ведь в 1937 г. было принято решение об особом статусе Коммунистической партии Турции, так называемый «сепарат»<sup>7</sup>. По материалам того времени известно, что Коминтерн был намерен ликвидировать свою турецкую секцию, но благодаря усилиям влиятельных членов Компартии Турции смирился со своеобразной автономией этой партии. Сотрудничество возобновилось и окрепло в 1942 г., когда руководство ВКП(б) приняло стратегию широких антифашистских демократических союзов. Это способствовало укреплению позиций партии в стране, но в 1946 г. турецкое правительство запретило все легальные учреждения, которые находились под идеологическим, политическим и организационным влиянием компартии. Наконец в результате арестов 1951 г. весь ЦК партии и почти все местные комитеты были отправлены в тюрьмы — всего 187 человек. Из-за этих репрессий прекратилась всякая деятельность организаций социалистического типа в стране. В весьма ограниченных рамках она осуществлялась за рубежом. В 1958 г. турецким коммунистам удалось начать с территории ГДР коротковолновое радиовещание «Bizim Radyo» («Наше радио»). Это стало возможно в результате поддержки, оказанной в рамках новой стратегии КПСС, начатой Московским совещанием коммунистических и рабочих партий 1957 г. Однако внутри страны не было никаких реальных структур. При этом сочувствующие социалистическим идеям серьезно полагали, что коммунистическая партия продолжает существовать в глубоком подполье; в действительности же это было чем-то вроде городской легенды<sup>8</sup>.

Левое движение Турции начало активно расти в 1960-х годах усилиями других левых организаций. В это время его участники искали ответы на вопросы о стратегии и тактике революции в Турции. Можно выделить три основных направления в левом движении того времени. Первое представляли левокемалистские журналы «Yön» («Направление») и «Devrim» («Революция») Догана Авджюглу (1926—1983). Их позиция была навеяна кемалистской идеологией и сводилась к следующим тезисам: единственный инструмент перехода к «некапиталистическому пути» развития Турции — военный переворот, а его движущей силой является военная и гражданская интеллигенция. Второе направление олицетворяла Рабочая партия Турции (TİP), руководство которой придерживалось линии мирного перехода к социализму. И третье — движение «Национально-демократическая революция» (MDD), главными представителями которого являлась группа бывших членов и ру-

<sup>5</sup> Sosyalizm ve Toplumsal Mücadeleler Ansiklopedisi, v. 8. İstanbul, 1988.

<sup>6</sup> Ersan V. 1970'lerde Türkiye Solu. İstanbul, 2014.

<sup>7</sup> Babalık N. Türkiye Komünist Partisi'nin Sönümlenmesi. Ankara, 2005, p. 55.

<sup>8</sup> Ibid., p. 80.

ководителей Компартии во главе с Михри Белли (1915—2011). Из MDD возникли все основные леворадикальные организации Турции.

Можно также упомянуть еще так называемых «доктористов», также появившихся в эти годы (они сыграли ограниченную роль в левом движении Турции, поэтому мы на них подробно не останавливаемся). Это течение представлял доктор Хикмет Кывылджымлы (1902—1971), которого называли «старым ружьем (заслуженным ветераном. — Л. Й.) компартии». В начале 1970-х годов они обосновались в армии, но потом потеряли влияние и там. В 1970-е годы две «доктористские» организации возникли: в 1974 г. — Социалистическая рабочая партия Турции (TSİP) и в 1979 г. — «Движение 16 июня», которое отпочковалось от Партии родины (Vatan Partisi) (тогдашней легальной партии «доктористов»). Первая из них вскоре заявила об отказе от ориентации на идеи «Доктора» как «антимарксистские». Вторая была активна в 1990-е годы вплоть до вооруженных акций, но после ареста лидера организации Сарпа Курая упразднила свою структуру в 1993 г. Ныне действующая на легальной политической арене сегодняшней Турции Партия освобождения народа (Halkın Kurtuluş Partisi) считает Кывылджымлы своим «теоретическим и практическим лидером»<sup>9</sup>.

### ЛЕВОКЕМАЛИЗМ И «YÖN»<sup>10</sup>

Журнал «Yön» дал название движению, которое исповедовало пропагандируемые им принципы, которые, в свою очередь, имеют духовную связь с журналом «Kadro» («Кадровый состав»), который издавался в 1932—1935 гг. (всего 36 выпусков) группой интеллигентов, покинувших Коммунистическую партию Турции из-за идеологических разногласий, связанных с тем, что в Турции, по их мнению, отсутствуют и долго еще будут отсутствовать условия для пролетарской революции. Они поддерживали тесные связи с кемалистской элитой и стремились стать кадровым резервом кемалистского режима с тем, чтобы способствовать дальнейшему развитию буржуазной революции в Турции. «Kadro» видело экономическую перспективу страны в развитии системы государственного капитализма на принципах этатизма (учитывая при этом опыт СССР), окончательной ликвидации феодализма и проведении социальной земельной реформы.

Но хотя экономическая программа «Yön» и напоминала платформу «Kadro», она была радикальнее. И если «Kadro» считал кемализм независимой от классовых отношений силой, «Yön» олицетворял собой своеобразную классово-революционную сторону кемализма. Как утверждает российский исследователь: «И прежде всего это [отличие] касалось переоценки революционного потенциала армии. Именно революционного, а не бонапартистского»<sup>11</sup>. Согласно взглядам основателей «Yön», в Турции после прихода к власти Демократической партии, победившей на выборах 1950 г., произошел контрреволюционный переворот, страна превратилась в полуколонию империалистических стран, и эволюционная перспектива оказалась утерянной.

<sup>9</sup> См.: Halkın Kurtuluş Partisi. Kuruluş Gereçesi. URL: <https://kurtuluspartisi.org/2012/08/02/kurulus-gerecesi>

<sup>10</sup> Кемализм не является предметом данной статьи, но для понимания специфики левокемализма небольшой экскурс в этот вопрос необходим. Сущность кемализма определяют две фундаментальные идеи: антиимпериализм (решительная борьба за независимость страны) и секуляризм. Со временем значительная часть кемалистов перестала последовательно соблюдать эти принципы, идя на политические отношения с иностранными государствами в ущерб национальным интересам. Левокемализм в большей степени сохранил верность исходным тезисам Ататюрка.

<sup>11</sup> Лебский М. Указ. соч., с. 195.

Коль скоро зашла речь о Демократической партии (DP), то нужно сказать о ней несколько слов. Она была создана в 1946 г., победила выборы в 1950, 1954 и 1957 гг. В первые годы пребывания у власти она продолжала определенное Республиканской народной партией политическое направление: участие Турции в плане Маршалла, укрепление связей с западными странами во главе США на платформе антикоммунизма и антисоветизма, членство в НАТО, участие в Корейской войне, международное партнерство турецких фирм с американскими концернами и формирование межнациональных финансовых и промышленных монополий, консервация феодальных пережитков и в то же время введение новых капиталистических отношений в селе. Ускоренное экономическое развитие страны в 1950-е годы давало партии общенациональную поддержку, но с другой стороны, эта политика углубляла неокOLONиальную зависимость Турции. Со временем этот парадокс мог повлиять на устойчивость позиций Демократической партии в стране, а потому требовал мер по обеспечению власти. После выборов 1957 г. Демократическая партия попыталась создать однопартийную диктатуру фашистского толка. Это спровоцировало массовые демонстрации в Стамбуле и Анкаре. Оппозицию возглавила Республиканская народная партия, опиравшаяся на армию. Ее руководство обвинило Демократическую партию в разрушении основ государства, т.е. независимости и секуляризма. Эти силы создали Комитет национального единения, который организовал военный переворот 27 мая 1960 г. Это была коалиция разных политических сил, среди которых были не только те, кто принадлежал относительно демократическому спектру, но крайне правое движение во главе с Алпарсланом Тюркешем, пользовавшееся элементами фашистской символики, например, именование своего лидера «башбугом», т.е. фюрером. После военного переворота 27 мая 1960 г., 15 членов DP были приговорены к казни Верховным трибуналом. Комитет национального единения утвердил приговор в отношении четырех из них, в том числе и в отношении Джеляли Баяра, бывшего президента республики. Но из-за того, что Баяру было более 65 лет, этот приговор был заменен пожизненным заключением. Трех его товарищей казнили, но Баяра помиловал в 1964 г. президент Джевдет Сунай. Остальные приговоренные члены Демократической партии были помилованы в 1966 г. Все эти события, показавшие явный кризис официального кемализма, сыграли большую роль в движении «Yöп» к левому спектру.

Но вернемся к журналу «Yöп». На его страницах тогда велась дискуссия по принципиальным вопросам стратегии левого социалистического движения — о характере предстоящей революции, формах ее свершения, о движущих силах и социальной опоре. Платформа левокемалистов вписывалась в концепцию «некапиталистического пути развития» как формы строительства социализма, впервые предложенную В. И. Лениным после осмысления опыта революции в Монголии. Этот тезис стал особенно популярен после распада классической колониальной системы, т.е. после Второй мировой войны. Но для «Yöп» социализм был только одним из двух путей политического, социального и экономического развития (другой путь являлся капиталистическим), который соответствует условиям Турции.

Рассматривая Турцию как страну третьего мира, они считали, что в связи со слабостью и малочисленностью национального рабочего класса революция может совершиться только усилиями представителей мелкой и средней буржуазии (или «национальной буржуазии»). В составе «национальной буржуазии» они видели творческую и научную интеллигенцию, офицерство среднего и нижнего звена. Их позиция включала в себя и внешнеполитический аспект: некапиталистический путь обещал не только модернизацию на основе индустриализации, усовершенствование систем образования и здравоохранения, но

и переход к союзническим отношениям с Советским Союзом и разрыву отношений с США. Антиимпериализм как важнейшая черта стратегии «Yön» привлекал широкие слои кемалистов, помнивших сотрудничество кемализма и СССР в 1920—1930-х годах и оказанную тогда Турции военную и техническую помощь. По мнению Авджыоглу, путь некапиталистического развития и антиимпериализм 1970-х годов являлись продолжением политической традиции Кемаля Ататюрка, а сам кемализм оказывался как бы первым этапом своеобразной социалистической революции. Три из шести принципов кемализма: популизм, этатизм и революционаризм совпадали с социализмом. Остальные: республиканизм, национализм и секуляризм были ему близки или не противоречили.

Такая стратегия показала свою результативность в арабских странах, в Египте, Сирии, Ираке, где путем военных переворотов устанавливались антиимпериалистические режимы. «Yön» предполагал, что и в Турции путем военного переворота военная и гражданская интеллигенция может сформировать технократическое правительство, которое с помощью радикальных мер освободило бы страну от ига империализма, сделало бы ее снова независимой и постепенно создавало бы «социалистический режим» как в Египте во главе с Насером. Этим планам сочувствовало армейское офицерство и даже высшие слои бюрократии, сохранившие верность кемалистским принципам. Это подтвердил военный переворот 27 мая 1960 г., который проходил под кемалистскими лозунгами. В ходе его были казнены премьер-министр и два министра, которые, по мнению путчистов, олицетворяли собой линию на предательство национальных интересов страны, таких как коррупция, казнокрадство, нарушение конституции и т.д. «Yön» назвал переворот революционным, хотя его политические задачи, не говоря уже о социальных, не были выполнены, так как Турция не вышла ни из НАТО, ни из СЕНТО.

Благодаря тому, что кемалистская и прогрессивная интеллигенция, в том числе и близкая к «Yön», поддержала Комитет национального единства, взявший на себя функции правительства, в 1961 г. была принята конституция, вполне модернизационная и весьма демократическая. Редактор «Yön» Доган Авджыоглу тоже участвовал в комиссии по ее разработке. Однако запрет на коммунистическое движение сохранялся, а армия выполняла свою роль блюстителя традиций Ататюрка, а также порядка в стране. Этот результат показал, что между левым кемализмом и левой социалистической идеологией продолжает сохраняться принципиальная разница. Взгляды Авджыоглу на экономическую, социальную и политическую системы Турции базировались на левонационалистических подходах, что и отразилось в его книге «Устройство Турции». Однако благодаря широким историческим познаниям автора, глубокому марксистскому анализу и яркому стилю она оказала значительное влияние на левое движение, став основой мировоззрения многих левых активистов. Близкие взгляды они высказывали в публичных выступлениях, в том числе в ходе судебных процессов, прошедших над ними после военного переворота 1971 г.

Движение «Yön» не стало политической организацией, сохранив характер платформы для коллективной выработки программы действий. По мнению его идеологов, ни рабочий класс, ни крестьянство не смогут стать «гегемоном» будущей революции. Эта роль отводилась военной и гражданской интеллигенции, а инструментом революции им виделся военный путч, переворот, организованный ею. Для этой цели «Yön» налаживал связи с офицерством среднего и низшего звена. В этом контексте рассмотрим попытки военного переворота, предпринятые полковником Талатом Айдемиром (22 февраля 1962 г. и 20 мая 1963 г.; он был казнен после этой второй попытки). По широко распро-

страненной версии за ними стоял «Yöп»<sup>12</sup>. Однако остаются неясными степень и характер участия Авджьюглу и «Yöп»: организационное или только идеологическое.

Перед выборами в парламент Турции 1965 г. «Yöп» предпринял попытку создать Союз антиимпериалистических сил, объединив Рабочую партию Турции (TİP) и Республиканскую народную партию (СНР). Необходимость такого блока диктовалась консолидацией правых сил в стране. Ассоциации борьбы против коммунизма, созданные Партией справедливости (АР) Сулеймана Демиреля, проводили акции запугивания и давления на левых. Лидер СНР Исмет Инёню, преемник Ататюрка на посту президента Турции, очень остро реагировал на это, он заявил: «Я лично буду бороться с этими отрядами СС»<sup>13</sup>. Однако на выборах его партия СНР потерпела поражение. Победила же Партия справедливости, фактическая наследница Демократической партии, запрещенной по результатам военного переворота 1960 г. Соотношение сил было таким: партия Демиреля получила 52,9 % и соответственно 240 депутатских мест из 450; партия Инёню — 28,3 % и соответственно 134 места. Что касается Рабочей партии Турции, то на этих первых в своей истории выборах она получила 3 % — 15 мест.

Возникает вопрос: почему и каким образом партии Демиреля удалось получить такую большую поддержку избирателей? Вопрос этот важен не только с исторической, но и с политической точки зрения, так как правые партии в Турции почти всегда сохраняли такую народную поддержку. Бехидже Боран, член руководящей тройки Рабочей партии Турции, писала по поводу эффективности политики Демократической партии: «После прихода к власти Демократическая партия ослабила репрессии со стороны низовых слоев управленческого аппарата по отношению к народным массам, увеличила закупочные цены на зерно [...], строила дороги, оросительные каналы, чем ей удалось до некоторой степени привлечь к себе народные массы. Запасы золота таяли, а внешние долги увеличивались, но в то же время в стране наблюдался избыток денег. [...] Цены на продукты росли, товары уходили на черный рынок, но в то же время были возможности легкого заработка больших денег. [...] Избыток денег и возможности легкого (по сравнению с прошлым) заработка давали населению надежду [...] подняться и разбогатеть». О причинах победы Партии справедливости, т.е. наследницы Демократической партии, высказалась так: «Народ посчитал оскорблением то, что путем насилия убрали тех, кто пришел к власти благодаря его голосам. [...] Народ воспринял движение 27 мая как укрепление СНР лишь как изменение формы государства-угнетателя. [...] Кроме того, Демократическая партия была истощена, а переворот 27 мая произошел преждевременно»<sup>14</sup>. К этим факторам можно добавить и религиозный: Партия справедливости, как все правые партии в Турции, делала ставку на ислам.

Результаты выборов вызвали раскол в «Yöп». Мюмтаз Сойсал, влиятельный основатель журнала, считал нужным овладение парламентскими методами. Но основные силы «Yöп», называя выборы и парламент в Турции политическими учреждениями империализма, сохранили ориентацию на радикальное действие, военные путчи. Это были признаки идеологического кризиса. К фактической ликвидации «Yöп» как движения привели два события. Во-первых, это принятие 16 июня 1970 г. парламентом (не только правительственной Партией справедливости, но и оппозиционной Республиканской народной партией, которая представляла либеральную буржуазию) закона о запрете Конфедерации революционных профсоюзов Турции

<sup>12</sup> Uluş Ö. M. Op. cit., p. 33—34.

<sup>13</sup> Ibid., p. 37.

<sup>14</sup> Boran B. Türkiye ve Sosyalizm Sorunları. İstanbul, 1970, p. 46, 54.

(DİSK), которая находилась под влиянием легальной социалистической Рабочей партии Турции, а также некоторых нелегальных партий, включая Компартию Турции (хотя в тот момент ее деятельность сводилась к радиовещанию из ГДР). Этот закон должен был расчистить дорогу влиянию Конфедерации турецких профсоюзов (Türk-İş) среди рабочих и служащих страны<sup>15</sup>.

Ответом на этот закон стали первые в истории Турции массовые демонстрации, которые оказались неожиданными не только для правительства, но и для левой оппозиции, даже для самой DİSK. Но самое большое потрясение пережили идеологи «Yön», которые при своей жизни не ожидали увидеть самоорганизовавшийся пролетариат на улицах турецких городов.

Другое событие, которое повлияло на ликвидацию «Yön», — это так называемая «хунта 9 марта», точнее, цепь событий, ею вызванных. Путчисты, в том числе несколько офицеров высшего и среднего звена, во главе которых стояли генерал-лейтенант в отставке и сенатор Джемал Маданоглу и несколько интеллектуалов из круга «Yön», на 9 марта 1971 г. планировали выступление. Но из-за утечек информации (в том числе от посвященного в план командующего военно-воздушными силами генерал-полковника Мухсина Батура) генштаб узнал о предстоящем путче. Нейтрализовав левокемалистских путчистов, начальник генштаба Мемдух Тагмач осуществил свой переворот 12 марта 1971 г. Высшие чины генштаба предъявили ультиматум, требуя создания «правительства технократии» — точно в соответствии с идеями «Yön». Но режим «технократов» через полтора месяца смела военная диктатура фашистского толка. По кругам, сотрудничавшим с «Yön», был нанесен удар. Людей задерживали и подвергали пыткам. В течение последующих полутора лет организованное левокемалистское движение было ликвидировано. Однако уцелели те группы, которые еще до 1971 г. сначала стихийно, а потом сознательно примыкали к марксизму. Организационно к этому подталкивала ежедневная борьба против реакционных группировок особенно в университетах, становясь более последовательными сторонниками массовых форм борьбы за власть, в том числе и вооруженных. Известно, что Авджюглу оказывал открытую политическую поддержку этому движению. 23 февраля 1971 г., т.е. только за 17 дней до путча, в «Devrim» вышла его статья «Партизанская война» («Gerilla»). В это время ТНКО (Народно-освободительная армия Турции) фактически начала вести партизанскую войну, и была создана ТНКР-С (Народно-освободительная партия-фронт Турции). Авджюглу был в курсе этих событий. В этой статье он пишет: «В то время как все политики обвиняли молодежь, экономический и социальный кризис в стране усиливался. Отчуждение земель и заводов ускорилось. Крестьяне строили баррикады, рабочие выходили на улицы. Служители правосудия организовывали демонстрации, даже главы городских и сельских управ участвовали в сопротивлении [центральной вла-

<sup>15</sup> О финансировании ЦРУ профсоюзных организаций в странах третьего мира писал С. Тернер, директор ЦРУ (1977—1981) при администрации Дж. Картера: «В 1967 г. расходы ЦРУ на поддержку “полезных и дружественных элементов” за рубежом были увеличены на 10 млн долл. Наши (американские. — *И. Л.*) профсоюзы и студенческие ассоциации передавали большую часть этой суммы аналогичным учреждениям за границей. [...] Это прикрытие в виде наших профсоюзов, ассоциаций [...] маскировало тот факт, что настоящий источник этой суммы — ЦРУ. Тем самым мы предотвращали опасность того, что те профсоюзы и ассоциации, которые получали деньги от нас, стали бы называться “американскими куклами”» (Turner S. ‘CIA, Gizlilik ve Demokrasi, Eski CIA Başkanı Stansfield Turner’in Anıları’. — Cumhuriyet, 27 января 1986, р. 11). О тесных отношениях Türk-İş с американскими учреждениями, за которыми стояло ЦРУ, говорит экономист и историк профсоюзного движения Й. Коч: Koç Y. ‘Sendikaların Bağımsızlığı, ABD ve Türk-İş’. — 11. Tez, 1986, № 3, р. 249—257.

сти]. [...] Несмотря на эту картину полного банкротства нынешней власти, руководители политических партий и правительственных, и оппозиционных находятся в “безрассудстве и заблуждении”<sup>16</sup>. Они не способны разрешить этот кризис. [...] Общая картина<sup>17</sup> настолько мрачная, что она напоминает 1919 г. (начало войны за независимость. — *Й. Л.*). Революционная молодежь вполне справедливо восстала против этого. Время ничего не дающих заявлений, митингов, демонстраций осталось в прошлом. Зверства полиции явно показывают это. Хотите или нет, но протесты молодежи против существующего порядка приобретают все более насильственный характер. Жестокие действия властей будут только умножать революционное насилие. Мы можем оценивать городского партизана в этом ключе. Нужно вспомнить, что партизанская война возможна, если ее будут поддерживать сознательные слои общества, которые разделяют и поддерживают идею мятежа. Когда сознательные слои общества, выступающие против жестокости власти, храбро встанут в ряды революционеров, тогда партизаны окажутся непобедимой силой. В настоящее время условия для этого созревают в Турции. Ясно то, что эти условия будут только ухудшаться; поэтому мы можем ожидать усиления и расширения партизанской борьбы по всей стране. Только революционная власть сможет направить энергию борцов на строительство новой страны. Давайте бороться за эту власть со всей своей энергией, чтобы положить конец крепнущему фашизму!»<sup>18</sup>.

### **РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ТУРЦИИ (TİP) И ДВИЖЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (MDD)**

Рабочая партия Турции исповедовала совершенно другой взгляд на социализм, нежели «Yönp». Эта политическая партия социалистического реформистского характера была создана группой рабочих 3 февраля 1961 г.<sup>19</sup> В этом смысле это единственная партия Турции, которая возникла вследствие организационной деятельности представителей рабочего класса. Но уже на следующий год во главе ее встала левая интеллигенция: Мехмет Али Айбар (1908—1995) и его ближайшие соратники Бехидже Боран (1910—1987) и Садун Арен (1922—2008).

В 1940—1950-х годах Айбар был известным адвокатом. Уже тогда он говорил о себе как о «борце на фронте демократии» и был сторонником компартии Турции. Надо добавить, что он работал в Международном трибунале по расследованию военных преступлений во Вьетнаме 1966 г., который известен как «трибунал Рассела». Бехидже Боран была первой женщиной-социологом в Турции. Она присоединилась к компартии в 1940-е годы, но отошла от ее деятельности после ликвидации всех структур партии вследствие репрессий 1951 г. Садун Арен, профессор экономики, многие годы разделял те же взгляды. Их называли «тройка из Рабочей партии». Общей в их позиции была приверженность к легальным формам борьбы за «социалистическую революцию». Это и создание массовых легальных рабочих

---

<sup>16</sup> Прямая цитата из текста Ататюрка «Нутук» («Речь», 1927 г.) с осуждением младотурецкого правительства и обоснованием справедливости и легитимности борьбы против власти, потерявшей контроль над событиями.

<sup>17</sup> По-турецки *Manzara-ı Umumiye* — также термин, использованный в «Нутук».

<sup>18</sup> *Avcıoğlu D. Gerilla.* — Devrim, 23.II.1971, p. 1.

<sup>19</sup> Основателями Рабочей партии Турции стали 12 профсоюзных активистов: шахтеры Кемал Тюрклер и Аднан Аркин, текстильщики Авни Эракалын и Шабан Йылдыз, полиграфисты Ибрахим Гюзелдже и Салих Эзкарабай, рабочий шоколадного завода Ахмет Мушлу, шиномонтажник Рыза Куас, официант Кемал Небиоглу, рабочий-табачник Хюсеин Услубаш, рабочий фармацевтического завода Саффет Гексюзоглу, носильщик Ибрахим Денизджиев. См.: *Sargın N. TİP’li Yıllar (1961—1971) Anılar, Belgeler.* İstanbul, 2001, p. 64—65.

организаций, и участие в выборах всех уровней, т.е. полномасштабное использование демократических прав и свобод, которые официально были введены в Турции конституцией 1961 г. Однако между Айбаром и остальными двумя имелось немало существенных разногласий. Во-первых, это отношение к СССР. Айбар считал ленинизм выродившимся в буржуазное течение в рабочем движении; он полагал, что Советский Союз превратился в бюрократическую диктатуру давно, еще при Ленине, и категорически выступал против военного вмешательства СССР в Венгрии, а потом в Чехословакии. В отличие от него Боран и Арен поддерживали ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. Во-вторых, Айбар имел весьма либеральный взгляд на социализм, говоря о «своеобразном социализме для Турции», «улыбающемся социализме», т.е. турецком варианте «социализма с человеческим лицом». Боран и Арен были против такого либерализма. К концу 1960-х годов позиция Айбара вошла в противоречие с усилением вооруженной борьбы, которую вели левые партии при широкой поддержке масс. И наконец, главным предметом споров в партии было то, каким образом поддерживались отношения с бывшими ее членами. Айбар никогда не состоял в компартии и был убежден в необходимости дистанцирования от нее, чтобы не давать властям основания для запрета Рабочей партии за «пропаганду коммунизма». Такие опасения были обоснованы. Но нельзя сбрасывать со счетов и желание держать «ленинцев» вне партии. Возможно, что и Боран, и Арен разделяли эту позицию.

Хотя руководство ТІР представляло собой идеологически менее или более монолитную структуру, партия сама была похожа на общую платформу для всех социалистических течений того времени, самым влиятельным в которых являлось движение «Национально-демократическая революция» (МДД).

В подходах «Үѳ» и Рабочей партии обнаруживается немало общего. Обе призывали к разрыву отношений зависимости с империалистическими странами, выходу от военно-политических блоков НАТО и СЕНТО, к модернизации страны на основе индустриализации и уничтожения всех феодальных пережитков. Однако для «Үѳ» социализм был не более чем программа и перспектива экономического развития, тогда как Рабочая партия Турции считала, что социализм — это плановая экономика и власть трудящихся. Движение МДД, которое энергично действовало в рядах ТІР, унаследовало от первого склонность к вооруженным формам борьбы, а от второй — большую последовательность в отношении социалистических преобразований в экономике, социальной сфере и политическом устройстве страны. Оно осуществляло рецепцию ленинского варианта теории революции, сформированного в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Турецкие левые из МДД восприняли идею о «перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую». В социалистической литературе Турции закрепился термин «перманентная», или «непрекращающаяся», революция в том смысле, что один ее этап проистекает из другого. Согласно этому тезису буржуазно-демократическая революция оказалась незавершенной в Турции, будучи преданной буржуазией в самом ее начале; поэтому национально-демократическая революция должна выполнить и задачи этой незавершенной буржуазной революции.

Склонность национальной буржуазии к забвению национальных интересов и вызванные чередой «удачных» и «неудачных» военных переворотов разочарования убедили левых из МДД, что лидерство рабочего класса неизбежно, потому что никто другой не в состоянии решить насущные задачи страны. Но важнейшие тактические вопросы остались без ответа. Каким будет это лидерство — фактическим или идеологическим? Как будет осуществлено перерастание национально-демократической революции в социалистическую революцию? В итоге признание недо-

статочности силы рабочего класса в такой полуфеодальной стране, как Турция, и неспособность создать массовую «партию рабочего класса» со временем сблизило движение MDD с политической линией «Yön». Оно также с надеждой смотрело на прогрессивных военных, ожидая военного переворота с участием армии, с которого, по мнению ее идеологов, должна была начаться эпоха социальных преобразований в стране. При этом движение MDD не было против массовой революционной вооруженной борьбы; наоборот, ее идеологи во главе с Михри Белли считали, что «в Турции нужно вести вторую войну за независимость», что она легитимна и необходима. Это способствовало распространению среди молодежных группировок, примыкавших к MDD, идей народной войны маоистского или кастровского типа.

Со своей стороны Бехидже Боран склонялась к идее массовой организаторской и просветительской работы в среде рабочего класса с тем, чтобы обеспечить будущей революции действительно социалистический характер. Она была согласна с общим мнением «Yön» и MDD, что буржуазно-демократическая революция не завершена в Турции; но она подчеркивала, что эта революция отнюдь не выполнила стоявших перед страной задач. Она предполагала, что земельный вопрос (а также национальный и крестьянский вопросы) будут решаться не путем «национально-демократической», а только путем социалистической революции. Кроме того, она была категорически против тезиса только об «идеологическом лидерстве» рабочего класса и считала, что революция невозможна без настоящего лидерства рабочего класса.

Взгляды Айбара были иными, что и привело к расколу в руководстве Рабочей партии и его отставке. Как уже сказано, Айбар рассматривал советский социализм как бюрократическую диктатуру и считал, что в ее основу положена ленинская теория партии, носившая буржуазный характер. При существовании организационной вертикали партии и государства, ставшей основным методом реализации и сохранения революции и не сопровождавшейся широкой демократической организацией всех трудящихся не только при социализме, но и в ходе революции, диктатура неизбежна, считал Айбар. Он цитировал известный пассаж Розы Люксембург в «Рукописи о русской революции», сожалея о том, что в долгое время эти слова использовались социал-демократами в их атаках на Советский Союз, а не социалистами для изучения ошибок социализма. Имеется в виду следующее суждение Р. Люксембург: «Основная ошибка теории Ленина — Троцкого состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии. “Диктатура или демократия” — такова постановка вопроса, как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т.е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики»<sup>20</sup>.

Главной точкой расхождения было иное понимание им характера и роли военной и гражданской интеллигенции. По его мнению, она являлась осколком деспотического режима, сложившегося еще в эпоху Османской империи, и носителем его традиций. Он называл этот слой не интеллигенцией, а «кадровым резервом» господствующего «бюрократического» класса<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991, с. 324—325. См. Aybar M. A. *Neden Sosyalizm?* İstanbul, 2011, p. 121—137.

<sup>21</sup> Aybar M. A. 'Türkiye Sosyalizmi'. — Türkiye Sosyalist Solu Kitabı, v. 1. Ankara, 2013, p. 138.

Благодаря идейному плюрализму движения «Национально-демократическая революция» (MDD) из его рядов вышли почти все сегодняшние организации левого толка. Наиболее крупные из их числа:

1. Маоистская ТІІКР (Революционная рабоче-крестьянская партия Турции) отпочковалась из MDD в 1969 г. К этому типу партий относится и Коммунистическая партия Турции/Марксистско-ленинская<sup>22</sup> (ТКР/МЛ), которая вышла из ТІІКР в 1972 г. Основатель ТКР/МЛ Ибрагим Кайпаккая погиб под пытками после ареста в 1973 г. Характерными чертами этих партий были заимствованные из партийных документов Коммунистической партии Китая тезисы и положения, например, маоистское понятие «новой демократии», основывающейся на экономическом базисе аграрного хозяйства, политическом союзе компартии с мелким и средним крестьянством, вершиной которого стала теория народной войны. Для их воззрений на международные отношения было типично отношение к советскому режиму как переродившемуся. Они полагали, что после смерти Сталина власть в КПСС захватили ревизионисты во главе с Н. С. Хрущёвым и партия превратилась в контрреволюционную, «социал-фашистскую»; Советский Союз стал социал-империалистической страной, которая по так называемой «теории трех миров» становилась опаснее, чем США.

2. ТНКО (Народно-освободительная армия Турции) ориентировалась на опыт кубинской революции. Более эффективной в новых условиях «фиделисты» считали не политическую структуру (партию), а военную организацию (народную армию), которая возглавит революционный процесс в сельских территориях, имеющих наибольший протестный потенциал<sup>23</sup>. Основатели ТНКО Дениз Гезмиш, Хусейн Инан и Юсуф Аслан были казнены в 1972 г. Однако ее организационная структура существовала и позже, постоянно давая жизнь новым организациям маоистского и ходжаистского толка.

Что касается маоизма, то Мао Цзэдун сказал в беседе с президентом Замбии Кеннетом Кавундой 22 февраля 1974 г.: «США и СССР образуют первый мир. Промежуточные силы, например, Япония, Европа и Канада, принадлежат ко второму миру. [...] Вся Африка относится к третьему миру, к третьему миру относится и Латинская Америка. Китай [тоже] принадлежит к третьему миру»<sup>24</sup>. С учетом того, что в то время в большинстве стран «третьего мира» существовали диктаторские режимы, и почти все они были тесно связаны с США, очевидна парадоксальность суждений Мао, когда он относил военные диктатуры Африки, Азии и Латинской Америки в один лагерь с социалистическим Китаем. С учетом пограничных конфликтов того времени между Китаем и СССР просматривалась претензия на главенствующую роль Китая в этом самом «третьем мире». Впервые идеи о разделении сфер влияния Мао высказал раньше. В 1973 г. в беседе с Г. Киссинджером Мао заявил, что Китай может встроиться в политическую ось с участием США, Пакистана, Ирана, Турции и Европы, если будет

<sup>22</sup> Именование «марксистско-ленинская» не только в Турции, но и в различных странах означало, что эта организация маоистская. Они начали называть себя маоистами только с середины 1990-х годов, а до этого именовали себя теми, кто за «мысль Мао Цзедуна».

<sup>23</sup> Главный идеолог ТНКО, Хусейн Инан, посвящал значительную часть своей единственной теоретической работы «Путь революции Турции» на эту тему в не выраженной прямо полемике с ТНКР-С, которую несомненно считал соперником в революционном процессе. — İnan H. 'Türkiye Devriminin Yolu', in Türkiye Sosyalist Solu Kitabı, v. 1. Ankara, 2013, p. 425—487.

<sup>24</sup> People's Daily Editorial. Chairman Mao's Theory of the Differentiation of the Three Worlds Is a Major Contribution to Marxism-Leninism. Peking, 1977, p. 8 (русский перевод см.: <http://maoism.ru/7912>).

заключен пакт о «ненанесении ущерба»: «Мы не будем наносить ущерб вам, а вы не будете нам, и мы вместе будем противостоять советской гегемонии»<sup>25</sup>. Основой враждебного отношения к СССР стала теория социал-империализма, утверждавшая, что после смерти И. В. Сталина, а точнее после XX съезда КПСС, СССР сделался социал-империалистическим и даже социал-фашистским государством. Внешнеполитические заявления китайского руководства, оформленные в теории социал-империализма и трех миров, с середины 1960-х годов вызывали раскол в мировом социалистическом движении. В эти годы Албанская партия труда разделяла взгляды компартии Китая о теории социал-империализма СССР: «Советский Союз превратился в империалистическую сверхдержаву, соперничавшую с США в мировом господстве, [...] он наряду с американским империализмом стал новым последовательным врагом революции, социализма и народов мира». Однако дальнейшему его углублению способствовал VII съезд Албанской партии труда в 1976 г., когда Ходжа выступил против «китайской теории “трех миров”», утверждая, что «сторонники теории “трех миров” [...] выступают могильщиками революции и защитниками буржуазного строя». Такие взгляды он назвал «ложной, контрреволюционной и шовинистической теорией» «китайских ревизионистов» и что она «выгодна американскому империализму»<sup>26</sup>. Последующие события показали, что вся эта борьба идей маскировала соперничество с Китаем за лидерство в коммунистическом движении, которая осуществлялась на платформе антисоветизма. Результаты этого раскола для социалистических движений развивающихся стран, и особенно для Турции, оказались трагическими. Разногласия между СССР, КНР и Албанией спровоцировали не только горячие дискуссии среди левых, но и вооруженные столкновения между просоветскими, ходжаистскими и прокитайскими группировками, в которых в 1970-е годы погибли сотни людей.

3. ТНКР-С (Народно-освободительная партия-фронт Турции), возникнув в 1970 г., провозгласила бескомпромиссную линию на вооруженные методы борьбы, причины и следствия чего будут изложены ниже.

Отпочкование идеологически разнородных групп, претендовавших на роль партий, связано было с появлением новых идейных ориентиров помимо Москвы, предлагавших иные «рецепты» социализма, а также личными амбициями молодых лидеров.

### **DEV-GENÇ И ВООРУЖЕННАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА: ТНКР-С И МАХИР ЧАЯН**

В леворадикальных группах, входивших в состав Рабочей партии Турции (TİP) и исповадовавших идеи национально-демократической революции, также шел процесс воспитания молодых руководителей. Она не рассматривала вооруженную массовую борьбу в качестве основного тактического инструмента. Но как крупная политическая сила она притягивала различные группы левого спектра, в том числе сторонников идей Кастро, просоветских «ленинистов», маоистов, критиковавших парламентаристские идеи лидеров партии. Из сети студенческих кружков леворадикального типа в 1969 г. возник Dev-Genç (Федерация революционной молодежи Турции). Уход левого молодежного движения в подполье был связан с опасностью правого реванша в Турции.

<sup>25</sup> Ministry of Foreign Affairs of PRC. Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World and the Strategy of Forming an Alliance Against an Opponent. Peking, s.a. — [http://www.fmprc.gov.cn/mfa\\_eng/ziliao\\_665539/3602\\_665543/3604\\_665547/t18008.shtml](http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18008.shtml)

<sup>26</sup> Ходжа Э. Империализм и революция. Тирана, 1979, с. 21, 184, 290, 351, 375.

Крайне правый спектр в Турции был представлен Ассоциацией борьбы против коммунизма и Национальным союзом турецких студентов, включавшим исламистов антикоммунистического толка (в середине 1970-х годов они создали отряд исламской боевой молодежи «Акынджи»). Они были близки к находящейся у власти в тот момент Партии справедливости Сулеймана Демиреля, активно участвовали в массовых антикоммунистических акциях того времени, в частности, исламистских выступлениях во время похорон Имрана Эктема, председателя Кассационного суда<sup>27</sup>.

В 1969 г. правый фронт укрепился с появлением «Юлкую Оджаклары» («Очаги идей»), боевого крыла Партии национального движения Алпарслана Тюркеша, имевшего немало общего с немецкими штурмовыми отрядами СА (Sturmabteilung) и итальянскими чернорубашечниками. Стоит отметить, что практически все нынешние руководители Турции прошли школу одной из этих структур — или Ассоциации борьбы против коммунизма, или Национального союза турецких студентов, или «Очагов идей», или «Акынджи».

В этих условиях происходит, как отмечалось, радикализация части левого движения, что было вызвано достижением определенного уровня индустриализации страны, качественным и количественным ростом рабочего класса за счет миграции из сельских территорий в промышленные центры, а также успехами левых в мире: вооруженной партизанской борьбой в Латинской Америке, упорным сопротивлением Северного Вьетнама, влиянием кубинской революции. В эти годы все будущие выдающиеся турецкие революционеры были очень молоды, большинство состояло в Рабочей партии (кроме тех лиц, которые предприняли попытку реорганизовать компартию в 1974 г., которая в период с 1951 по 1974 г. практически прекратила существование на территории Турции), почти все они были сторонниками движения национально-демократической революции и организованы в Dev-Genç.

Dev-Genç был создан 10 октября 1969 г. за счет переименования Федерации идейных кружков (FKF; основана в 1965 г.). Смена имени означала и решение к тактике вооруженной борьбы. Во главе новой федерации встали сторонники так называемой городской партизанской борьбы. Своей стратегической целью они называли национально-демократическую революцию. Это вызвало отдаление многих последователей Рабочей партии и «Yön». На съезде 18 октября 1970 г. в руководство были выбраны те лица, которые скоро создадут ТНКР-С. Когда ТНКО начала партизанскую деятельность 29 декабря 1970 г., Dev-Genç полностью оставался под контролем основных кадров ТНКР-С. Он располагал оружием и потому мог защищать себя в столкновениях со сторонниками профашистских организаций. В это время и «Очаги идей» вооружались в лагерях командос, которые организовали депутаты Партии национального движения (МНР) Алпарслана Тюркеша. В этих лагерях учили обращению с оружием и методам ближнего боя<sup>28</sup>.

<sup>27</sup> Имран Эктем был избран председателем Кассационного суда в 1966 г. В своей речи, открывавшей судебный год, он процитировал Вольтера: «Даже бога создал человек» (Milliyet, 9.VII.1966), что вызвало ярость и ненависть фундаменталистов. Попытки осквернения тела Эктема во время похорон и покушения на бывшего президента Инёню были пресечены благодаря вмешательству прогрессивной молодежи и некоторых офицеров. Оппозиционная СНР считала, что демонстрации организовали руководители Партии справедливости (АР), и, учитывая ход событий, она была права. Тем не менее причина этого исламистского выступления лежала не только в цитировании Вольтера, но особенно в том, что Эктем активно критиковал суннитский тарикат «Нурджулар», близкий к АР.

<sup>28</sup> По приказу правительственной партии Сулеймана Демиреля Главное управление департамента полиции подготовил специальный рапорт о деятельности МНР и «Очагов идей» в 1970 г. Этот секретный документ носил заглавие «Национальный социализм». Там были перечислены

Весьма пространная структура Dev-Genç и широкие связи Рабочей партии по всей Турции помогли ТНКР-С расширить свою организационную структуру. Можно сказать, что ТНКР-С родился из Dev-Genç (большинство ее членов и сторонников было активистами Dev-Genç), и таким образом Dev-Genç превратился в ее подчиненное подразделение, которое занималось организационно-техническим обеспечением партийной деятельности (жилища, оружие, фальшивые документы, деньги и т.д.) ТНКР-С. Массовой опорой партии являлись рабочие промышленных центров, особенно г. Зонгулдак, интеллигенция и даже крестьянство Черноморского региона (благодаря деятельности Рабочей партии Турции в этом регионе), университетская молодежь Стамбула и Анкары, а также и офицерство, в основном военно-воздушных сил.

В дни, предшествовавшие перевороту» 12 марта 1971 г., новая организация приняла активное участие в уличных беспорядках, массовых протестах и тем самым углублении национального кризиса в целом, что полностью соответствовало воззрениям своего идеолога Махира Чаяна (1946—1972). Правый и левый террор провоцировали усиление друг друга.

Энгин Эркинер<sup>29</sup>, рядовой представитель Dev-Genç и ТНКР-С в Ближневосточном техническом университете (ODTÜ) Анкары, активно участвовавший в событиях с момента военного переворота до ликвидации организации, вспоминал: «Я не могу забыть одно событие, которое произошло в ODTÜ после побега Махира Чаяна и его друзей из тюрьмы Картал-Малтепе [в Стамбуле]. Лаборанты и некоторые преподаватели подходили к нам и говорили: “Они, наверное, нуждаются в деньгах, почему вы не собираете деньги?” Если бы что-то случилось, и обнаружилось бы то, что они давали деньги, они оказались бы в тюрьме, и их академические карьеры закончились бы. Но никто не думал об этом. В короткое время было собрано немало денег»<sup>30</sup>.

С самого момента зарождения будущей партии (речь идет о ТНКР-С) сложилось соперничество двух лидеров — 24-летнего Махира Чаяна и 55-летнего Михри Белли. Если первый готов был порвать с аморфной MDD по крайней мере до конца октября 1970 г., то авторитетный Белли, ветеран гражданской войны в Греции 1949 г., носивший, как и Хикмет Кывылджымлы, прозвище «старое ружье компартии», не спешил. 29—30 октября 1970 г. Махир Чаян и еще несколько его товарищей собрались для переговоров с Белли, в результате пришли к выводу о «необходимости» отделиться от MDD, цитируя В. И. Ленина: «Раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту»<sup>31</sup>. Вопреки традиции почитания старших, принятой в патриархальной Турции, Чаян начал резко

---

29 лагерей командос на всей территории Турции, о которых говорилось: «Лагеря командос, которые созданы партией Тюркеша (МНР), подобные нацистским организациям СС и СА в гитлеровской Германии». Также в рапорте перечислялись 23 фашистские атаки, которые были осуществлены этими отрядами МНР. (Т.С. İçişleri Bakanlığı Emniyet Genel Müdürlüğü Önemli İşler Dairesi. Ülkücü Komando Kampları (AP Hükümetinin 1970’de Hazırlattığı MHP Raporu). İstanbul, 1997, р. 20—25) Этот рапорт был обнародован в 1978 г., и оказалось, что долгое время тогдашняя правительственная партия пыталась скрывать его.

<sup>29</sup> Э. Эркинер в 1974 г. написал брошюру «Срочные проблемы революции Турции», опубликовал ее анонимно, и вскоре стал одним из лидеров леворадикальной организации «Срочных» (Acilciler), которая сохраняла верность основным принципам идеологии М. Чаяна. Эта организация была ликвидирована после военного переворота 1980 г. Ныне Эркинер живет в Германии, работает таксистом.

<sup>30</sup> Erkiner E. 12 Mart Notları, n.d. — [http://engineerkiner.org/index.php?option=com\\_content&task=view&id=1957&Itemid=1](http://engineerkiner.org/index.php?option=com_content&task=view&id=1957&Itemid=1)

<sup>31</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. М., 1981, с. 93.

критиковать ветерана Белли за национализм, ревизионизм, раскол и т.д., а также за слишком кемалистский подход к курдскому национальному вопросу. Причины такой позиции Белли могут крыться в сохранившихся личных и политических отношениях с «Yön».

Чаян стоял за право на самоопределение курдов, используя его ленинскую трактовку: мол, поддержка сепаратизма или его категорическое отрицание «принадлежат буржуазным и мелкобуржуазным националистам с обеих сторон», что «надо четко представлять, когда и каким образом станут доступными пути самоопределения, такие как полное отделение, автономия, федерация и др.», при этом написав, что принципы решения курдского вопроса «будут изложены в другой статье»<sup>32</sup>, Чаян не успел проделать эту работу, так как вскоре, буквально через пять месяцев, после переворота 12 марта 1971 г. он развернул «городскую партизанскую войну». Последние полтора года его жизни заполнили вооруженная борьба, тюрьма, побег оттуда, новые попытки организовываться и гибель 30 марта 1972 г. вместе с девятью товарищами в бою с полицией и жандармерией.

В рамках «городской партизанской войны» были совершены следующие акты: в течение так называемой «Кампании революционного террора 16—17 февраля» были осуществлены подрывы в Стамбуле склада военных материалов США, зданий «The United States Logistics Group», отделения Американско-турецкого банка внешней торговли, генеральных консульств США и Великобритании, стамбульского центра IBM; уничтожение американского судна в Босфоре, экспроприация в отделении Турецкого торгового банка, поджог машины американского офицера, похищение владельца (Мэтэ Хас) и партнера (Талип Аксой) холдинга им. Хас и изъятие их однодневного дохода, похищение и убийство Эфраима Эльрома, консула Израиля. Э. Авив на основе документов из Государственного архива Израиля установил обстоятельства гибели Эльрома<sup>33</sup>.

Стратегия Чаяна предполагала, что революция будет реализована только путем идеологического лидерства рабочего класса. На практике это означало, что партия-фронт, задача которого является осуществление революции не только для народа, но и с народом, должен сохранять свою организационно, идеологически и политически независимую структуру. Поэтому, хотя он подчеркивал роль кемалистов (как левый слой мелкой буржуазии) в классовом союзе в ходе революции и был в курсе подготовки хунты 9 марта благодаря тому, что ТНКР-С была хорошо организована среди офицеров низшего и среднего звена в воздушных силах, он категорически отказался поучаствовать в ней. Стратегия революции сформулирована в его статьях «Перманентная революция I» и «Перманентная революция II—III» (тур. Kesintisiz Devrim<sup>34</sup>). Термин «перманентная революция» происходит из представлений Чаяна о хроническом кризисном состоянии империализма как закономерности современного мира. Согласно его представлениям, между периодами кризиса империализма и характером революции существует определенная зависимость. «Первый кризисный период империализма» охватывает два десятилетия с конца XIX в. до Первой мировой войны. Ему соответствует такая форма революционной борьбы, как городское восстание. «Второй кризисный период» соответствует межвоенному периоду (1919—1939), или, лучше сказать, до конца китайской революции. Особенности полукOLONиального режима определяли высокую степень контроля метрополии

<sup>32</sup> Çayan M. Bütün Yazıları. İstanbul, 2008, p. 259.

<sup>33</sup> См. Aviv E. E. The Efraim Elrom Affair and Israel-Turkey Relations. — Middle Eastern Studies, 2013, v. 49, № 5, p. 750—69.

<sup>34</sup> Данный термин отличается от троцкистского понятия «перманентная революция» («sürekli devrim»).

над малотоварными и торговыми центрами колоний и неучастие в жизни сельских территорий, где набирали силу революционные организации, что и определило доминирующую форму сопротивления — народную, сельскую партизанскую войну. После Второй мировой войны полукolonии существенно продвинулись по пути ускоренного капиталистического развития, которое определило «третий кризисный период империализма». Довоенные полукolonии превратились в «неокolonии». В этот период возможность войны между империалистическими странами становилась весьма маловероятной. Опорой колониальных метрополий становилась компраторская буржуазия. Однако эта буржуазия не могла господствовать в одиночку, она нуждалась в союзе с другими классами и слоями. Этот вид союза получил название «олигархии». Режим оккупации территории бывшей полукolonии менялся, он маскировалась под официально суверенное государство. Эту ситуацию М. Чаян называл «тайным фашизмом», а армию такой неокolonии — «тайной оккупационной армией империализма». На первых порах промышленное развитие страны приводит к повышению уровня жизни населения; растет численность рабочего класса, еще не отделившегося от сельского трудового класса. Таким образом, формируется «искусственное равновесие» между господствующими и народными классами. Искусственное равновесие — это своеобразное классовое отношение согласия между этими классами, и оно возникает в результате «частичного благосостояния», в силу «искаженного капиталистического развития». «Искаженный капитализм» означал то, что он развивался в соответствии не со своей внутренней динамикой, а с требованиями империализма. В этот момент влияние левых политических сил падает. Но поскольку развитие капиталистической экономики имеет циклический характер, то в фазе упадка или стагнации происходит фашизация господствующего режима национальной олигархии, связанной с мировой империалистической элитой. Типом правления олигархии является «продолжительный фашизм» или «фашизм по типу колонии». В период углубления кризиса он превращается в «открытый фашизм» с ограничением демократических прав и свобод массовых слоев населения. Турция, по мнению революционера, полностью соответствовала всем этим признакам.

Но в этой ситуации усиливается фактор сопротивления, а именно деятельность революционных организаций по «раскачиванию» режима. Это «раскачивание» происходит по сценарию двухэтапной народной войны. Первый этап, так называемая «война пионеров», основная форма борьбы на этом этапе — «вооруженная пропаганда» в сельской местности и/или городе в зависимости от условий страны. Поскольку в Турции капитализм развивался активнее, чем в других странах третьего мира, сельские территории оказались под жестким контролем государства так же, как и город. По выводу М. Чаяна, «пионерская» партизанская война могла быть вполне эффективна и в городских условиях, и в сельских местностях. На первом этапе народной войны функции военного, политического и идеологического лидерства выполняются одними и теми же людьми. Партийные лидеры лично организуют вооруженную борьбу. По мере развертывания вооруженной борьбы и роста рядов сторонников ядро организации становится во главе широкого народного фронта, параллельно осуществляя агитационно-пропагандистскую кампанию и народные организационные подразделения, названную им «приводным ремнем для маховика». Чаян часто использовал колоритные термины, в том числе созвучные тем, которые использовались другими революционными идеологами. Общее название его концепции — «стратегия политизированной вооруженной борьбы». Ее суть состоит в радикальном антиимпериализме, что обеспечило ей популярность среди

леворадикальных сил на протяжении уже почти 50 лет, став символом вооруженной борьбы против империализма, и фактически против США.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1960—1970-х годах левая идеология была представлена в Турции тремя течениями — левокемализмом в лице политического сообщества журнала «Yön»; сторонниками концепции «социалистической революции» (Рабочая партия Турции) и «стратегией политической вооруженной борьбы» М. Чаяна. Главное, что их объединяет, это антиимпериализм, хотя и в разной степени радикализма.

Левокемалисты солидаризировались с радикальными левыми на платформе антиимпериализма и антифашизма (т.е. независимость страны от западных стран и оппозиция исламизации). С конца 1970-х годов левокемалисты не имеют собственной организационной структуры, но остаются решительными противниками исламизации страны. Антиимпериализм и секуляризм как основные столпы кемализма находят всё больший отклик среди светских образованных слоев. Следует напомнить, что эти массы играли большую роль в так называемых «событиях Гези» июня 2013 г.

Второе «направление» представляют поддержку так называемого «нового рабочего класса» (или «среднего пролетариата», по терминологии Центра разработки концепций и доктрины министерства обороны Великобритании, 2007 г.<sup>35</sup>) и левой интеллигенции. Однако легальность не значит, что они прошли весь путь к полной социал-демократической трансформации; наоборот, они не имели ничего общего с ней и провозглашают бескомпромиссную борьбу с империализмом. В этом смысле они разделяли с левокемалистами идеи радикального антиимпериализма и секуляризма.

Последователями Махира Чаяна считают себя несколько организаций, главная из которых — Революционная народно-освободительная партия-фронт, чья опора — бедные окраины Стамбула и других городов. Однако группы маоистско-ходжаистского толка ныне блокируются с руководством Рабочей партии Курдистана. Почти все организации леворадикального толка в Турции продолжают оставаться подпольными, что определено их идеологическими ориентирами, так как они выступают за вооруженную борьбу против существующего правительства. Даже легальная компартия Турции не отрицает возможность вооруженного восстания в ходе борьбы за социалистическую революцию.

Почти все остальные организации, кроме компартии и Революционной народно-освободительной партии-фронта, направили большую часть своих вооруженных групп в Сирию, и в настоящее время они находятся в рядах Отрядов народной самообороны (YPG; т.е. сирийское крыло Рабочей партии Курдистана РКК) в Сирии, а в Турции они работают в тесной связи с подразделениям РКК. Курдское национальное движение всегда имело общие политические учреждения и массовую поддержку в Турции. Учитывая то, что РКК приобрела репутацию проамериканской силы в Сирии, эти, хотя и не прямые отношения, с США и с проамериканскими организациями в регионе спровоцировали самой большой идеологический кризис левого движения с момента его возникновения. Т.е. реальная политическая ситуация на Ближнем Востоке сделала серьезный вызов стройности идеологических схем левых Турции. Сторонники этих левых организаций продолжают считать, что они поддерживают национальные интересы курдов как угнетенного народа и

---

<sup>35</sup> Development, Concepts and Doctrine Centre UK's Ministry of Defense. The DCDC Global Strategic Trends Programme 2007—2036. London, 2007, p. 80.

осуществляют свой интернациональный долг. Независимо от того, насколько они искренни в своей позиции, воюя в рядах курдских отрядов и используя военную и политическую поддержку США и особенно Франции, не последнюю роль играет их подспудное стремление добиться своей легитимации в глазах Запада. Несмотря на все преимущества такого выбора, существует большой риск для этих организаций: они могут потерять ту поддержку низовых масс, которая была получена ими в течение 50 лет последовательного антиимпериализма. Даже можно ожидать вооруженных столкновений между этими организациями и ДНKP-С в бедных окраинах Стамбула. С определенной точностью можно прогнозировать, что левое движение будет укрепляться на платформе противостояния исламизации страны, а так как западные страны считаются в левоопозиционных кругах «пособниками» исламистского руководства, то и на принципах антиимпериализма.